

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.36>

Сулямова Рузанна Мухтасымовна

**ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ НА АНТРОПОНИМИКОН СИБИРСКИХ ТАТАР
ТОБОЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

В статье рассматривается влияние бухарцев на формирование системы личных имен сибирских татар Тобольского уезда Тобольской губернии в конце XIX в. Материалом для исследования послужили данные первой всероссийской переписи 1897 г. по юртам Араповским и Миримовским Тобольского уезда. В работе показано, что во многом благодаря сибирским бухарцам в конце XIX в. исламская культура прочно вошла в жизнь сибирских татар. Особое внимание уделяется историко-культурной характеристике бухарцев как этнословной группы. Получены выводы о том, что в конце XIX в. сформировалось единое для сибирских татар и бухарцев антропонимическое пространство, однако у бухарцев сохранялись особые традиции в имянаречении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 164-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

17. **Nuyis J.** Subjectivity: Between Discourse and Conceptualization // Journal of Pragmatics. 2015. Vol. 86. P. 106-110. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.05.015.
18. **Pushkin A.** Selected Works in Two Volumes. M.: Progress Publishers, 1974. Vol. 1. 208 p.
19. **Pushkin A. S.** Hekiat dzknorsi ev dzkan masin. Erevan: Bukinist, 2015. 64 p. (Պոլշկին Ա. Ս. Հեքիաթը ձկնորսի եվ ձկան մասին. Երևան: Բուկինիստ, 2015. 64 է.)
20. **Romanova N., Gor K.** Processing of Gender and Number Agreement in Russian as a Second Language // Studies in Second Language Acquisition. 2017. Vol. 39. № 1. P. 97-128. DOI: 10.1017/S0272263116000012.

**ПОСТРОЕНИЕ ТЕЗАУРУСА ЖАНРА «СКАЗКА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ»
НА РУССКОМ, АРМЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

Семенова София Новиковна, к. филол. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
sofiya.semenova75@yandex.ru

Статья посвящена составлению тезауруса жанра «сказка» в рамках художественного произведения А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (“The Tale of the Fisherman and the Golden Fish”) (Հեքիաթը ձկնորսի եվ ձկան մասին) (на материале русского, английского и армянского языков). Методология исследования состоит из анализа научной литературы по проблемам тезауруса. В статье представлены результаты сравнительного анализа слов, выявленных при помощи сплошной выборки на трех языках. Изучение массива текстов не только жанра «сказка» на русском, английском и армянском языках, но и многих других жанров в рамках любой литературы даст новые результаты для построения тезаурусов по различным предметным областям.

Ключевые слова и фразы: тезаурус; жанр «сказка»; массив текстов; гипоним; гипероним; семантические отношения; систематизация знаний.

УДК 81.112

Дата поступления рукописи: 12.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.36>

В статье рассматривается влияние бухарцев на формирование системы личных имен сибирских татар Тобольского уезда Тобольской губернии в конце XIX в. Материалом для исследования послужили данные первой всероссийской переписи 1897 г. по юртам Араповским и Миримовским Тобольского уезда. В работе показано, что во многом благодаря сибирским бухарцам в конце XIX в. исламская культура прочно вошла в жизнь сибирских татар. Особое внимание уделяется историко-культурной характеристике бухарцев как этносословной группы. Получены выводы о том, что в конце XIX в. сформировалось единое для сибирских татар и бухарцев антропонимическое пространство, однако у бухарцев сохранились особые традиции в имянаречении.

Ключевые слова и фразы: Тобольская губерния; антропонимикон; этносословные группы; сибирские татары; сибирские бухарцы; исламская культура; культурно-исторические традиции.

Сулямова Рузанна Мухтасымовна

Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал)
Тюменского государственного университета
ruzanna.sulyamova@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ СИБИРСКИХ БУХАРЦЕВ НА АНТРОПОНИМИКОН
СИБИРСКИХ ТАТАР ТОБОЛЬСКОГО УЕЗДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Обращаясь к изучению антропонимикона сибирских татар, можно заметить, что его формирование зависело от многих факторов социального, религиозного, исторического характера и отражало те культурно-исторические процессы, которые происходили с этносом. Сложный характер этногенетических процессов нашел отражение в антропонимиконе сибирских татар.

Целью работы является рассмотрение традиций имянаречения сибирскими бухарцами и их влияния на антропонимикон сибирских татар.

Актуальность исследования связана с тем, что на сегодняшний день недостаточно изученными остаются проблемы этногенеза и культурогенеза сибирских татар. По данным этнографов, на сравнительно позднем этапе в сибирско-татарскую общность вошла значительная группа сибирских бухарцев, оказавшая влияние на многие стороны жизни и культуры сибирских татар [3; 16; 20]. В связи с этим представляется важным изучение характера и степени этого влияния через антропонимическую составляющую.

Научная новизна работы определяется тем, что, несмотря на то, что антропонимикон сибирских татар привлекал внимание многих исследователей (Х. Ч. Алишина [2], Ф. Х. Гильфанова [5], Л. Х. Айтбаева [1], Л. Г. Зималутдинова [9], Э. Р. Сайдимова [13], Г. Ф. Тимканова [15], Г. Ч. Файзуллина [21] и др.), данная тема практически не изучалась в аспекте этнолингвокультурологии.

Рассмотрим, как повлияли этногенетические процессы на изменения антропонимикона сибирских татар и бухарцев на материале Первой Всероссийской переписи 1897 г. Для сравнения нами выбраны два населенных пункта Тобольского уезда, жители которых относились к Бухарской волости – юрты Миримовские и Араповские. Из указанных населенных пунктов собственно бухарскими были юрты Миримовские, в юртах Араповских в рассматриваемый период проживали как бухарцы, так и бывшие ясачные и служилые татары.

Таким образом, предметом нашего исследования является состав личных имен жителей юрт Араповских и Миримовских Тобольского уезда Тобольской губернии, который нами впервые будет введен в научный оборот.

1. Формирование этносословных групп сибирских татар

По мнению исследователей, в состав сибирско-татарской этнической общности на определенных этапах ее развития входили различные этносословные группы: ясачные татары, служилые татары, захребетные татары, бухарцы, оброчные чувальщики и др. В основе деления на эти категории лежали, прежде всего, социальные различия, выразившиеся обычно в их отношении к государственным повинностям [20, с. 144-145].

Бывшая феодальная знать ханства составила категорию служилых татар – йомышлы, – перешедших на службу Московскому государству после присоединения Сибири, главной повинностью которых была военная служба. Во второй половине XIX в. они перешли из категории военно-служилых людей в категорию крестьян [19, с. 112]. Основная же часть взрослого мужского населения относилась к категории ясачных татар, выплачивая в русскую казну подати – ясак. Кроме местных татар, значительную группу тюркского населения составляли переселившиеся татары из Поволжья и Приуралья, а также торговое сословие бухарцев.

Некоторые этносословные группы вплоть до конца XIX – начала XX в. составляли отдельные административно-территориальные единицы. Так, например, в Тобольском, Тюменском и Тарском уездах вплоть до начала XX в. существовали Бухарские волости. Как считает З. А. Тычинских, административно-территориальное деление отражало не только сословно-податные, но и этнические различия, а в происходивших изменениях административно-территориальной структуры просматриваются этапы формирования сибирско-татарской этнической общности [20, с. 144].

Одной из значительных этносословных групп, вошедших в состав сибирских татар, являются бухарцы. Во второй половине XIX столетия они составляли около четверти тюркоязычного мусульманского населения Тобольской губернии. Всего в Западной Сибири численность бухарцев, по данным переписи 1897 г., составила 12 055 человек. Расселяясь среди сибирских татар, обладая схожестью языка, общей религией, бухарцы постепенно интегрируются в единую тюрко-мусульманскую общности и к середине XX в. полностью ассимилируются сибирскими татарами [18, с. 223, 226].

Как считает С. К. Патканов, постепенно бухарцы утратили свой язык, «променяв свои наречия (сартское, таджикское и др.) на строго определенное наречие западносибирских татар, среди которых они поселились» [12, с. 140, 147]. По мнению академика Д. Г. Тумашевой, ассимилируясь с местными татарами в языковом отношении, бухарцы со своей стороны повлияли на их диалекты и говоры, что особенно хорошо прослеживается в местах наибольшей численности бухарского населения [17, с. 18].

2. История и культура сибирских бухарцев

Переселение бухарцев в Прииртышье, начавшееся еще в период Сибирского ханства, активизировалось в XVII в. и продолжилось в течение XVIII-XIX вв. В середине XIX в. бухарцы проживали в 47 населенных пунктах Тобольского округа. В основном среднеазиатские переселенцы проживали совместно с ясачными и служилыми татарами, но были и собственно бухарские селения. Так, в Тобольском округе это юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар). К Бухарской волости Тобольского уезда относились жители таких селений, как юрты Еланчинские, Сабанакские, Араповские, Тоболтуринские, Иртышатские и многие другие [18, с. 224].

Бухарцы занимались торговлей, кожевенным делом, ткачеством и т.д. Они познакомили и сибирских татар с такими промыслами, как ковроткачество, выделка кож и т.д. Со второй половины XIX века количество торгующих бухарцев в Сибири сокращается. Купцы из бухарцев постепенно теряют свою роль посредников в торговле России со Средней Азией, особенно после присоединения Средней Азии к России [10, с. 27-31; 11, с. 43-50]. Во второй половине XIX – начале XX в. в экономике бухарцев важное значение стали занимать промыслы, характерные для сибирских татар, такие как рыболовство, охота, а также различные ремесла и извоз. В результате тесного экономического и культурного сотрудничества в быт бухарцев постепенно проникали элементы быта сибирских татар [11, с. 67-68].

Бухарцы способствовали распространению и укреплению ислама среди сибирских татар. Они открывали мусульманские начальные школы при мечетях и средние школы (медресе), обучали детей, благодаря чему повышался уровень грамотности и образованности сибирских татар. Основная часть священнослужителей-мулл, учителей в мектебах и преподавателей в медресе были выходцами из бухарцев [3, с. 196-202]. Бухарцы-мусульмане оказали очень серьезное влияние на дальнейшее формирование исламской культуры у сибирских татар.

3. Антропонимикон жителей юрт Араповских

При рассмотрении антропонимикона жителей юрт Араповских в конце XIX в. наблюдается следующая картина. Среди мужских имен наиболее распространенными являются: двухкомпонентные тюркские имена с имяобразующими начальными и финальными арабскими и арабско-персидскими формантами:

1) особенно часто использовались в имяобразовании личные имена пророка Мухамета – с начальным формантом *Мухамет-*: Мухаметсадык, Мухаметсуп, Мухаметхабис, Мухаметситак, Мухаметбак, Мухаметалим, Мухаметхалим, Мухаметкурбан, Мухаметпириз, Мухаметали, Мухаметсариб, Мухаметулла, Мухаметразы;

с финальным формантом *-мухамет* в полной или стяженной форме: Ишмухамет, Ниясмамет, Ишмухамет, Аширмет, Хитмухамет, Нурмухамет, Сайтмухамет, Альмухамет, Кульмухамет, Тусмухамет [8, д. 585];

2) финальный формант *-баки* (от арабского – вечный, сохраненный): Аширбаки, Аvasбаки, Ниясбаки, Курманбаки, Абдулбаки, Сафарбаки, Аитбаки, Реимбаки, Суячбаки [Там же];

3) финальный формант *-улла* (от титула *мулла* – ученый, служитель веры): Амирулла, Ахматулла, Хабубулла, Аитмухаметулла, Аптулла, Рахматулла, Халиулла, Хабибулла, Набибулла, Калимулла, Файсулла, Фаткулла, Фасулла, Сайфулла, Халилулла, Хисатулла, Ниосматулла и др. [Там же];

4) финальный формант *-дин* (вера, верующий): Хайритдин, Сатредин, Насретдин, Сирачитдин, Сайфетдин, Хамалетдин, Саратетдин, Пакрытдин, Чамалетдин, Хуснетдин, Шамшетдин, Шараетдин, Хисаметдин [Там же];

5) начальный формант *аптуль-* (слуга (раб) Всевышнего): Аптульхаким, Абдулбатик, Аптулькерим, Аптульхатыр, Аптульхабур, Абдульхазан [Там же].

Личные имена в культуре сибирских татар были в рассматриваемый период связаны с исламской религией. На протяжении нескольких столетий татары Сибири исповедуют ислам [3, с. 169-174]. В связи с этим не удивительно, что большинство антропонимов имеют непосредственно прямое отношение к мусульманской религии, например, такие как Мухаммет – хвалимый, прославляемый, имя мусульманского пророка.

Распространенными у жителей Араповских юрт были имена еврейского происхождения: Ибрагим, Измаил, Ханафей, Айса. Бухарцы естественным образом кроме своей религии и культуры привнесли на территорию Западной Сибири и свое этнолингвистическое наследие со своими антропонимами.

Широко использовались имена, являющиеся названиями месяцев мусульманского лунного календаря Хиджры [4]. В проанализированных ревизиях имели место такие имена, как: Сафарали, Сафар (от *Сафар* – второй месяц), Рещеп (от *Раджаб* – седьмой месяц), Шабан (от *Шабан* – восьмой месяц), Уразай (от месяца *уразы* – Рамазан) [14].

Также арабско-мусульманское происхождение имеют мужские имена: Абубакир, Саптулькелим, Нияс, Аметали, Сабит, Шамурат, Хабур, Шарип, Рахимчан, Абуалли, Амин, Умер, Неуман [8, д. 585].

К именам, сохранившим собственно татарскую основу, можно отнести следующие: Исенгильди, Юлташ, Чкуртка, Туруш [Там же].

Среди женских имен наиболее распространенными являются двухсоставные имена тюрко-персидского и тюрко-арабского происхождения [4]:

1) с начальным формантом *биби-* (биби – госпожа, хозяйка): Бибисейния, Бибиабиба, Бибичемаль, Бибиариба, Бибитаиб, Бибифалима, Бибисима, Бибиалима, Бибмакуля, Бибисафия и др. [Там же];

2) с конечным формантом *-бига* (госпожа, хозяйка): Агульбига, Урасбига, Ацбига, Айпига, Курманбига, Ниясбига, Курманбига, Аширбига, Рабига, Рабига, Туйбига, Рабига [Там же];

3) с конечным формантом *-чемаль* (цамаль) (красивый, совершенный): Айничемал, Назильцемал, Айничемал, Асисцемал, Кайничемал, Асисцемал, Патрицемал, Кнельцемал, Хосничемаль, Айникамал, Патичемал, Мугитчемал, Шарбицемал, Назийцемал, Шарибцемаль, Сюльцемаль [Там же].

Ряд имен связан с именами родственниц пророка: Фатима, Айша, Хабича (Хадича), Марьям.

Среди исследуемых женских сложносоставных имен весьма часто встречаются компоненты, произошедшие из персидского языка: *гуль* (диалектные варианты *-кул*, *-куль*, *-гул*) – цветок. Данный компонент вошел в состав таких имен, как Кулазис, Кульбагхита, Кольсиба, Кульчемал, Кулсара, Кулесюм, Кульчемал, Кульсагийта, Кусюлюм, Кульбачита, Кюлейса [8, д. 585].

Среди женских имен осталось незначительное количество татарского происхождения, к примеру: Иняка, Кайбиртэ, Уразия [Там же, л. 3-49].

4. Антропонимикон жителей юрт Миримовских

Среди мужских имен юрт Миримовских Тобольского уезда в конце XIX в. были широко распространены имена арабского происхождения:

1) личные имена пророка Мухамета, где присутствует начальный и финальный формант *мухамет* в полной или стяженной форме: Мамет, Айтмамет, Ермет, Уразмет, Маметбака, Мамешка/Мамет, Аширмет, Маметей, Маметша, Мамедиман, Маметнияз, Махаметалип/Мухаметалпык, Мухаметюсуф, Мухаметсатык, Маметцалям, Мухаметшарып, Мухаметали, Шамухамет, Мамедесан/Мамедизан, Мухаметали, Маметамин, Мамедиман/Мухайн, Аширмамет, Маметцелям, Маметмурат, Маметцалим, Маметрахим, Маметкали, Аптмухамет, Кульмухамет, Юльмет, Юбмаммет, Ельмемет, Кальмаммет [Там же, д. 585];

2) финальный формант *-баки* (от арабского – вечный, сохраненный):

Аитбака, Абдубака, Рещепбака, Мирбака, Абтбак/Абтыбака, Аширбаки, Реимбака/Реимбаки, Реямбакей, Курманбака, Гузбака, Сразбаки/Дозбака, Тавлетбака/Таулетбака, Аитбака, Рещепбака, Муратбака [Там же];

3) финальный формант *-улла* (от титула *мулла* – ученый, служитель веры): Абдулла, Абибулла, Рахматулла, Хайматулла/Хисматулла, Абдулла/Абтулла, Аширмаметиштулла/Абайтулла/Абитулла, Рахматулла, Харулла/Хайрулла, Аптулла Аптулла/Абтулла [Там же];

4) финальный формант *-дин* (вера, верующий): Насрутдин, Гаснуддин, Незамуттин/Нешмуттин, Сагдатдин, Багратин, Сахрадтин, Фагрудтин, Камалидтин, Сиратуттин, Исамуттин/Хисамадтин [Там же];

5) среди мужских имен жителей ю. Миримовских были широко распространены имена с начальным формантом *аптуль/абдуль-* (слуга (раб) Всевышнего): Абдулвагат, Аптулвагап, Абдулбеир/Абдулбеис, Абтулкатар, Абдулгалип, Абдульмасыт, Абдульмячип, Абтугахмал, Абдулмалик, Абдувагип/Абдулвагит/Абдулвагип, Аптыш/Абтыш, Аптулазис, Аптулварис, Абдулмукмин/Абтулмухмен, Абдухабис, Абтульватах, Абтулкарим, Альбубашир/Абдулбашир, Абдуназир, Абдулхаким, Абуталиб, Абдуцалиль, Абдульшагит [Там же].

В юртах Миримовских, как и в юртах Араповских, достаточно распространенными являются имена еврейского происхождения: Давид, Юсуп, Исмаил, однако состав имен различается.

Также арабско-мусульманское происхождение имеют мужские имена. Значительная часть из них односоставные: Али, Амин, Исхак, Асхат, Калиль/Халиль, Сеит, Ашир, Ашим, Нияс, Аплип/Летап, Сабит, Умер, Хабур, Шарип, Неуман, Сарып, Ахмат, Абтул, Авас и др. [14].

Но большинство имен двухсоставные, оба компонента которых являются арабского происхождения, как, например, Абубакир, Саптулькелим, Аметали, Рахимчан, Абуалли, Сулькарнай, Абуталип, Абтыкарим, Курманалий, Сафарали и др. [8, д. 585].

В ряде двухсоставных антропонимов один из формантов имеет арабское, другой – тюркское происхождение: Алимбай, Аймухамет, Курманбака, Айтмамет и др. [Там же].

Одними из наиболее распространенных имен арабского происхождения были Сеит, Ашир, Мустафа. В двух случаях встречается имя Мирим, возможно, связанное с именем основателя села.

Лишь незначительная часть имен сохранила собственно татарскую основу. К древнетюркским именам можем отнести такие антропонимы, как: Сабанцы/Сабанча, Кулай, Етягар/Итигар, Ташкей, Куля, Маами. Тюркское происхождение имеют односоставные имена Батыр, Казан и двухсоставные – Ташбулат, Талпатыр, Тохтабай и др. [4].

Среди женских имен, как и в юртах Араповских, наиболее распространенными являются двухсоставные имена тюрко-арабского и тюрко-персидского происхождения:

1) с начальным формантом *биби-* (биби – госпожа, хозяйка): Бибичин, Бибилатиша, Бибикиша, Бибикиша, Бибикиша [8, д. 585]. Однако имен с этим компонентом в юртах Миримовских встречается намного меньше, чем в Араповских;

2) с конечным формантом *-бига* (госпожа, хозяйка): Лалабига, Кинабига, Ниясбига, Аитбига, Атнебига, Авасбига [Там же];

3) с конечным формантом *-чемаль* (цамаль) (красивый, совершенный): Хабибцамал, Сагабцамал, Сагибцамал, Бибицамал, Салицамал, Сеипцамал, Сахацамал/Сагацамал [Там же].

Так же как и среди личных женских имен юрт Араповских, в юртах Миримовских часто в женских сложносоставных именах встречаются компоненты, произошедшие из персидского языка: гуль (диалектные варианты *-кул*, *-куль*, *-зул*) – цветок. Данный компонент вошел в состав таких имен, как Кульбагина, Кульбугтина/Кульбустан, Кульбада, Кульфага, Кульайса, Кульчубай, Кульбагейта/Кульбакейта, Кульчура, Кюлюсима, Кульчагар, Кульбагата, Кульчара, Кульфана [14].

Распространены женские имена арабского происхождения, связанные с именами родственниц пророка: Кадаця/Катица (Хадича), Батима/Фатима, Айша.

Женские имена арабского происхождения: Зейнап, Субайда, Латифа, Арифа, Шариба, Рахима, Салима, Салига/Салиха, Аминя, Алима, Нагифа, Мафруса, Аят, Рубия/Рабия, Махрафа, Сайта, Карима, Насира, Айса, Абибы, Алима, Анифа, Багадин, Халима, Хусния, Сагиба, Сагира, Шарафа и др. [8, д. 585].

Среди женских имен осталось незначительное количество татарского происхождения, например: Инягаш, Бига, Сулу, Аныш, Исеня, Аман/Яман.

Женские имена тюрко-татарского происхождения: Давлетбика, Сагитбака, Шамалбика, Уразбига, Суючбага, Суючбика [Там же].

Таким образом, в результате сравнительно-сопоставительного анализа антропонимикона жителей юрт Араповских и Миримовских мы наблюдаем схожую картину в составе личных имен по происхождению и имяобразованию. В обоих населенных пунктах, несмотря на различия в этнословном составе, в конце XIX в. преобладают имена арабско-мусульманского происхождения, незначительным становится число имен тюрко-татарского происхождения. Присутствуют имена еврейского и персидского происхождения. Схожими являются используемые при имяобразовании форманты, а также способы имяобразования, где присутствуют компоненты арабского, персидского и тюркского происхождения.

5. Традиция наречения сибирских бухарцев именем умершего родственника

В то же время по материалам ревизий и переписи 1897 г. можно наблюдать сохранение собственно бухарских традиций имянаречения.

Одной из них является традиция наречения сибирскими бухарцами именем умершего родственника. Рассмотрим на материале родословных семей Уразметевых и Мамедовых, проживавших в юртах Миримовских Тобольской губернии в XVIII-XIX вв., и Маметрегимовых, проживавших в то же время в юртах Араповских [6, д. 806; 7, д. 202; 8, д. 585].

Генеалогическое древо Уразметевых формируют 63 человека: 23 – мужского пола и 40 – женского. Поскольку имена давались со стороны матери и отца, за основу будем брать общее количество персон. В разрезе поколений мы обнаружили такие особенности имянаречения, как: 1) наречение именем дедушки (Уразмет); 2) наречение именем старшего родного брата (Неоматцан); 3) наречение именем дяди (Ашир); 4) наречение именем бабушки (Алимя); 5) наречение именем младшей сестры отца (Арифа); 6) наречение именем старшей родной сестры (Шарифа) [Там же].

В родословной Мамедовых насчитывается 77 персон: 37 – мужского пола и 40 – женского. В разрезе поколений мы обнаружили такие особенности имянаречения, как: 1) наречение именем прадедушки (Аитбаки); 2) наречение именем дедушки (Душих, Дихан, Мятай); 3) наречение именем двоюродного брата отца (Дихан) [Там же]. Повторов наречения по женской линии не наблюдается.

Следовательно, данная традиция четче прослеживается по мужской линии и наиболее частотным является наречение именем дедушки. Временной интервал составляет от одного поколения до четырех. Была задействована не только прямая вертикальная родственная ветка, но и горизонтальная.

В целях сравнения особенностей имянаречения обратимся к родословной бухарцев Маметрегимовых, проживавших в то же время в юртах Араповских Тобольской губернии.

В родословной Маметрегимовых можно найти сведения о 95 человеках: 47 – мужского пола и 48 – женского. В разрезе поколений мы обнаружили такие особенности имянаречения, как: 1) наречение именем двоюродного брата отца (Авазбаки); 2) наречение именем прадедушки (Ибрагим); 3) наречение именем дедушки (Маметрегим, Тузмамет, Турыш); 4) наречение именем старшего брата отца (Маметрегим); 5) наречение именем родной младшей сестры отца (Назипцалал); 6) наречение именем прабабушки (Сариба) [Там же].

Таким образом, сибирские бухарцы могли дать детям имя покойного родственника: родителя, брата, сестры, дяди, тети, прародителя. Рассмотренные родословные бухарцев юрт Араповских и Миримовских в плане традиции наречения именем умершего родственника схожие. Очевидно, что необходимо дальнейшее детальное изучение традиций этнословесных групп (бухарцев, служилых и ясачных татар), принимавших участие в формировании этнической общности сибирских татар.

6. Заключение

Нами рассмотрен состав личных имен в двух населенных пунктах Тобольского уезда Тобольской губернии. Один из них был создан бухарцами (юрты Миримовские), основу второго (юрты Араповские) составляли местные сибирские татары. Бухарский компонент вошел в состав юрт Араповских лишь во второй половине XVIII века.

Рассматривая антропонимикон жителей юрт Араповских и Миримовских Тобольского уезда, можно заметить, что число древнетюркских (тюркских, татарских) имен к концу XIX в. стало незначительным. Мы наблюдаем, что наиболее ранний пласт антропонимов представлен древнетюркскими личными именами Юлташ, Чкуртка, Туруш, именами-оберегами Балтабига, Ташбулат, Талпатыр, Тохтабай и др. Однако подавляющее большинство имен имело арабское или персидское происхождение, что, безусловно, говорит о том, что исламская религия и культура прочно укрепились среди сибирских татар Тобольского Прииртышья. Огромное влияние на это оказал бухарский компонент. Этнословесная группа бухарцев, расселяясь среди ясачных и служилых сибирских татар, активно взаимодействовала с ними в экономическом, социальном и духовном плане и в дальнейшем постепенно ассимилировалась ими. Все это повлияло на формирование единого для бухарцев и сибирских татар духовно-религиозного пространства, частью которого стал и антропонимикон.

Данные переписи 1897 г. показали примерно одинаковую степень влияния бухарского компонента через исламскую составляющую на антропонимикон жителей обоих поселений. В то же время этнословесная группа бухарцев сохранила некоторые особенности имянаречения, например традицию наречения детей именем умершего родственника, что говорит об устойчивости среди них культа предков.

В целом количество антропонимов тюркского происхождения на протяжении XIX столетия постепенно уменьшается, происходит естественный процесс интеграции арабского и татарского антропонимического пространства, в котором основное место стали занимать имена арабско-мусульманского происхождения. Главной причиной стал процесс исламизации сибирских татар, усилившийся под влиянием бухарского компонента.

В дальнейшем необходимо проведение этнолингвокультурологических исследований по традиционным поселениям других этнословесных групп сибирских татар для сравнительного анализа с исследованными поселениями для воссоздания полной картины происходивших с антропонимикон процессом под воздействием культурно-исторических факторов.

Список источников

1. **Айтбаева Л. Х.** Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья Нижней Оби и Иртыша (XX век): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тобольск, 2004. 24 с.
2. **Алишина Х. Ч.** Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
3. **Валеев Ф. Т.** Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 208 с.
4. **Гафуров А. Г.** Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М.: Наука, 1987. 221 с.
5. **Гильфанова Ф. Х.** Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте. Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2012. 212 с.
6. **Государственный архив в г. Тобольске** (ГА в г. Тобольске). Ф. И-154. Оп. 8.
7. **ГА в г. Тобольске.** Ф. И-154. Оп. 20.
8. **ГА в г. Тобольске.** Ф. И-417. Оп. 2.
9. **Зималутдинова Л. Г.** Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения реки Тура (на материале Тюменской области): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тобольск, 2007. 24 с.
10. **Зияев Х. З.** Средняя Азия и Сибирь (II половина XVI – XIX в.). Ташкент, 1964.
11. **Зияев Х. З.** Узбеки в Сибири. Ташкент: Изд-во «ФАН» УзССР, 1968. 74 с.
12. **Патканов С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных переписи 1897 г.): в 3-х т. СПб.: Типография «Ш. Буссель», 1912. Т. 1. 185 с.
13. **Сайдимова Э. Р.** Именник тобольских татар мусульманского происхождения: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тобольск, 2006. 24 с.
14. **Саттаров Г. Ф.** Словарь татарских личных имен. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. 255 с.
15. **Тимканова Г. Ф.** Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар г. Тюмени XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2002. 24 с.

16. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: НГУ, 1992. 271 с.
17. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. 294 с.
18. Тычинских З. А. Расселение бухарцев в Прииртышье в XVII-XIX вв. // Тобольск научный – 2017: материалы XVI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Тобольск, 2017. С. 223-226.
19. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности служилых татар (XVII-XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.
20. Тычинских З. А. Социальная структура сибирско-татарского населения в конце XVI – начале XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 144-148.
21. Файзуллина Г. Ч. Номинации человека в татарских народных говорах Тюменской области. Казань: Отечество, 2016. 285 с.

INFLUENCE OF THE SIBERIAN BUKHARANS' TRADITIONS ON THE ANTHROPONYMYCON OF THE SIBERIAN TATARS OF THE TOBOLSK DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Sulyamova Ruzanna Mukhtasymovna
Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev
 (Branch) of Tyumen State University
 ruzanna.sulyamova@mail.ru

The article examines the Bukharans' influence on the formation of the personal-name system of the Siberian Tatars of the Tobolsk district of the Tobolsk province at the end of the XIX century. The data of the first all-Russian population census of 1897 in Arapovskie and Mirimovskie Yurty of the Tobolsk district served as the research material. The paper shows that in many ways due to the Siberian Bukharans at the end of the XIX century Islamic culture became firmly established in everyday life of the Siberian Tatars. Special attention is paid to the historical and cultural characteristic of the Bukharans as an ethno-social group. The author concludes that at the end of the XIX century anthroponymic space was established common for the Siberian Tatars and the Bukharans but the Bukharans preserved their own traditions of naming.

Key words and phrases: Tobolsk province; anthroponymycon; ethno-social groups; Siberian Tatars; Siberian Bukharans; Islamic culture; cultural and historical traditions.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 11.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.37>

В статье проводится анализ семантики вторых компонентов обобщенного отрицания (thing, body и one) в английском языке. В результате проведенного исследования устанавливается, что широкозначное существительное thing способно недифференцированно обозначать понятие «вещь» – неодушевленный предмет и одушевленное лицо. Языковая единица body имеет более узкую сферу использования по сравнению со словом thing. Семантика лексемы one связана с категорией количества и вычленением индивида из окружающего мира. Не называя ничего конкретного, данные существительные предназначены для создания опоры, вокруг которой формируются те или иные признаки.

Ключевые слова и фразы: отрицание; негация; отрицательное предложение; обобщенное отрицание; не-ассертивный член предложения; широкозначное слово; языковая единица; семантика языковой единицы.

Файрузова Анжела Расулевна, к. филол. н.

Лопатина Елена Валентиновна, к. филол. н.

Курочкина Татьяна Аврамовна

Уфимский государственный нефтяной технический университет

angela.fayruzova@mail.ru; svetlyachok_helen@mail.ru; i89174130731@gmail.com

СЕМАНТИКА ВТОРЫХ КОМПОНЕНТОВ ОБОБЩЕННОГО ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема отрицания (негации) и отрицательных конструкций на протяжении длительного периода времени привлекает внимание не только лингвистов самых разных направлений, но также философов и логиков. Специальное исследование, проведенное на материале отрицательных предложений [10], показало наличие в английском языке особой устойчивой семантической разновидности негации – обобщенного отрицания, имеющего специфические средства своего выражения. Отрицательные местоимения (далее – ОМ), такие как *no, nothing, nobody, none, no one* и их не-ассертивные корреляты *any, anything, anybody, anyone* в сочетании с отрицательной частицей *not* образуют эксплицитные средства выражения обобщенного отрицания в английском языке. И. Лака считает собственно ОМ особыми неопределенными местоимениями, которые употребляются для обозначения таких единиц, как *n-person, n-thing* [21, p. 105]. К тому же характер оформления именно обобщенноотрицательных предложений лежит в основе отнесения языка к моно- и полинегативному типу.

Как это ни парадоксально, но при столь высокой значимости обобщенного отрицания в системе языка оно не составляло ранее предмета специального исследования. Несмотря на немалое количество работ, посвященных